

В пользу этого можно привести и то обстоятельство, что «Гистория о некоем шляхецком сыне» начинается с обращения цесаря к дочери при назначении ее наследницею престола: «...учиню тебя сему престолу и венцу наследницею по мне. Напервой яви свое достоинство, исполни мое изволение». Именно «достоинства» цесаревны являются причиной того, что цесарь поручает ей управление государством. Далее цесарь еще раз обосновывает свое решение: «...цесарь... всем сенаторам своим говоря: „Достоина явила престола и венца моего, дщерь моя“. И повеле объявить указ за подписанием его собственным руки о учинении ея законною наследницею. И повеле на утрие присягу учинить» (л. 266). Можно предположить, что автор «Гистории о некоем шляхецком сыне» знал сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей уставом державнейшаго государя нашего Петра Великаго», где обосновывалась законность передачи престола тому, кто окажется «достойным»: «...должны цари родители так наставляти сыны своя, дабы они явились достойны царствования, и тако дабы могли быти им подобны достоинством своим»²⁶ (ср.: «достоина явила престола»). Кстати, в сочинении Феофана Прокоповича предусмотрена и передача престола дочери: «Также разумети подобает во оскудении сынов, и о дщерях монарших»²⁷ (ср.: «Наследница моя! Кроме тебя не имею, и учиню тебя сему престолу и венцу наследницею по мне» (л. 261)).

У нас есть еще одно основание для решения вопроса о времени составления «Гистории о некоем шляхецком сыне». По повести, герой получил в Англии сначала чин действительного тайного советника (см. первый чин Табеля о рангах), а затем и генералиссимуса. Известно, что первым генералиссимусом русской армии был А. Д. Меншиков, получивший это звание в конце 1727 года²⁸ (при Петре I он был генерал-фельдмаршалом).

Итак, «Гистория о некоем шляхецком сыне» не могла быть написана ранее 1727 г. В настоящее время определенных данных для установления нижней границы датировки «Гистории» мы не имеем.

Независимо от того, что «Гистория» написана (или переведена) после смерти Петра I, она является типичной петровской повестью.

Понятие «петровская повесть» не следует рассматривать только как хронологическое понятие. Петровская повесть — это комплекс жанрово-литературных особенностей произведения, которые характерны для первой четверти XVIII в. Но так как результаты социально-политических изменений, происшедших в России в этот период, не кончились со смертью Петра I и сказались в последующее время в деятельности тех общественных кругов, которые были экономически и политически заинтересованы в укреплении абсолютизма, то и понимание термина «петровская повесть» может быть пересмотрено.

Автор «Гистории о некоем шляхецком сыне» отстаивал в своем произведении те идеи, которые были ведущими в литературе Петровского времени. Но в действительности, окружавшей его, намечались уже резкие изменения. «Премена делам» Петра I вызывала беспокойство в умах передовых людей того времени. Уже правительство Екатерины I принимало меры к подавлению этих мыслей. В феврале 1726 г. в «Российских ведомостях» была напечатана «Рефлексия, или Разсуждение, о приключившейся премене». В «Рефлексии» сказано, что после смерти Петра I многие «розговаривали о том (о смерти Петра I, — Г. М.) различно, по состоянию ин-

²⁶ Правда воли монаршей... М., 1722, стр. 19.

²⁷ Правда воли монаршей... стр. 35.

²⁸ Гельб и г. Русские избранники и случайные люди в XVIII в. Русская старина, СПб., 1886, апрель, стр. 29.